

Говоря же о книге в целом, необходимо подчеркнуть, что она дает очень хороший и для большинства отделов продуманный подобранный материал по истории древнего Востока. Книга, несомненно, послужит углублению и повышению исторической культуры советского студента, педагога и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории. Досадные недочеты книги могут быть более или менее легко устранины, а самое трудное — подбор и перевод документов выполнены достаточно хорошо. Остается только пожелать, чтобы при переиздании книги был значительно расширен отдел древней истории Китая.

P. I. Рубинштейн

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДИНОСТИУТОВ ЗА 1949—1950 гг.

УЗ МГУ, вып. 143, 1950

Рассматриваемый выпуск полностью посвящен различным проблемам, связанным с историей древнего мира. В нем содержатся следующие статьи: Н. А. Машкин «Август и сенаторское сословие»; С. И. Протасова «Античная традиция о спартаковском восстании»; А. Г. Бокщанин «Иудейские восстания II века н. э.»; Н. Н. Пикус «О форме и содержании Papyrus Tebtunis 703»; В. С. Соколов «Тит Лукреций Кар».

Работа покойного Н. А. Машкина (стр. 3—26) представляет собой серьезное исследование, относящееся к важному и переломному моменту в истории древнего Рима. Автор начинает с исследования политических настроений римских сенаторов во время проскрипций. После детального разбора ряда источников, в том числе надгробной надписи в честь знатной римлянки *Laudatio Turiae*, Н. А. Машкин указал, что все идеалы римской знати заключались в лозунгах: *pietas et fides*. Одновременно с замирением вселенной восстанавливался, с точки зрения сторонников Августа, и тот порядок, который разумелся под лозунгами *pietas et fides*. Эти лозунги объединили, таким образом, вокруг Августа различные привилегированные слои римского общества и, прежде всего, сенаторское сословие» (стр. 10).

На целом ряде примеров автор дает характеристику сенаторского сословия и отмечает, что оно было неоднородным по своему составу. Затем подробно исследуются мероприятия, которые проводились Августом для того, чтобы привлечь на свою сторону сенаторов и поддержать знать как высшее сословие государства. Подчеркивается, что, наряду с дарованием привилегий, Август усиливал контроль над отдельными сенаторами и проводил мероприятия, мешающие знати приобретать популярность у плебса. Вместе с тем обращается внимание на то, что, несмотря на все попытки, не было достигнуто единства интересов принципата и сенаторского сословия (стр. 20). Исследуя характер сенатской оппозиции против Августа, Н. А. Машкин предостерегает от ее преувеличения, ибо она не представляла значительной угрозы существующему политическому строю.

Автор убедительно критикует ряд теорий, предложенных буржуазными учеными, в частности, оценку перехода к империи как революции. «В действительности, в гражданских войнах 43—30 гг. до н. э. не было ничего революционного, и принципат утвердился потому, что рабовладельцы стремились к гражданскому миру, а вместе с тем и к подавлению попыток восстаний рабов и движений свободной бедноты, которые и были действительными революционными выступлениями» (стр. 25—26).

Статья Н. А. Машкина прекрасно аргументирована и представляет собой образец тщательного научного исследования.

Работа покойной С. И. Протасовой (стр. 27—42) состоит из трех частей. В первом разделе (стр. 27—28) автор анализирует источники, сообщающие о маршрутах Spartaka, и устанавливает три периода борьбы Spartaka против римских войск. В результате сопоставления источников С. И. Протасова пришла к выводу о двух различных направлениях в дошедшей до нас традиции: «...одно положено в основу у Ливия (Орозия, Евтропия), Флора, Саллюстия и Плутарха, другое — у Аппиана» (стр. 27). Все же различные изложения, относящиеся к первому периоду борьбы Spartaka (после бегства из Капуи до выступления двух консулов против восставших), в основном сходны. Следующий раздел работы посвящен второму периоду борьбы спартаковцев (стр. 28—31). В этой части С. И. Протасова, проводя чрезвычайно кропотливый анализ различных версий о походе Spartaka, подала материал очень живо и интересно. Весьма убедительно отмечаются различные предположения, касающиеся плана похода Spartaka на Рим. Подчеркивается версия, принятая Плутархом, согласно которой Spartak «не имел намерения идти на Рим, для этого он был достаточно благороден», и что только Красс опасался, «как бы Spartak не вздумал двинуться прямо на Рим» (стр. 31). В последнем разделе работы изучается третья часть маршрута восставших — от выступления Крassa до гибели Spartaka (стр. 32—41). Здесь также исследуются расхождения между различными авторами в изложении событий и в оценке самой личности Spartaka. С. И. Протасова приходит к выводу, что более ранняя и более правдоподобная традиция о маршрутах Spartaka лежит в основе изложения авторов первой группы (Ливий — Орозий — Саллюстий — Плутарх).

Однако автор предостерегает от механического использования лишь одной группы источников, подчеркивая необходимость анализа и сопоставления различных версий; в частности, указывается, что если версия о походах Spartaka более правдоподобна в изложении Плутарха, то более реальная характеристика самого Spartaka дается Аппианом.

Статья С. И. Протасовой, относящаяся к одному из очень важных событий античности, должна быть учтена каждым специалистом, занимающимся данным кругом вопросов. Автор критикует буржуазных ученых, механически соединяющих сведения из различных источников. Подвергаются критике также методы, на основании которых иностранные ученые решают вопрос об источниках древних авторов (стр. 41). «С нашей точки зрения, — замечает автор, — в вопросе об источниках важнее установить общую тенденцию автора и ее место в античной историографии, чем назвать без достаточных оснований то или другое имя в качестве источника» (стр. 42).

Статья А. Г. Бокцаницы (стр. 43—85) посвящена исследованию двух иудейских восстаний: 116—117 и 132—136 гг. Работа начинается с характеристики обстановки, предшествовавшей первому из упомянутых восстаний, — с момента окончания иудейской войны 66—73 гг. Большое внимание уделяется положению дел как в Италии, так и в восточных провинциях. Далее характеризуются экономические и социальные отношения в среде иудейского общества, в частности рассматривается вопрос об иудейской диаспоре. Особо выделяется вопрос о состоянии иерусалимского жречества (стр. 61—65). Следующий раздел излагает отношение римского правительства к иудейским подданным (стр. 65—69). Последние два раздела посвящены описанию и характеристике двух вышеуказанных восстаний (стр. 71—85).

Рецензируемая статья обладает целым рядом несомненных достоинств. Заслуга автора в том, что он взял на себя труд исследовать роль и значение иудейских восстаний во всей восточной политике Римской империи. Ярко обрисовано состояние иерусалимского жречества, его заинтересованность в борьбе за восстановление храма. Автор показал также специфику иудейских общин в Месопотамии и дал критику националистических концепций буржуазных еврейских историков. Важным и убедительным представляется общий вывод о значении иудейских восстаний в истории Римской империи II в. н. э., которые заставляют осторожно говорить «...о так называемом буржуазными историками „золотом века“ империи, как об эпохе мирного развития». Однако статья А. Г. Бокцаницы не лишена и ряда недостатков. Автор уделил больше внимания вводной части, обстановке накануне восстаний, чем самим восстаниям.

Внешне это отразилось и в распределении листажа: вводная часть занимает 28 страниц (43—71), исследование обоих восстаний — 13 стр. (72—85). Первая часть получила перевес, видимо, потому, что в поле зрения автора попал слишком большой отрезок времени, предшествующий началу восстания. Затем ряд разделов статьи автор начинает с характеристики положения дел в Италии, итальянской политики императоров, что не всегда имеет прямое отношение к разбираемому автором вопросу и несколько напоминает собой построение лекционного курса. При изучении социальных отношений в иудейском обществе автору наиболее удались характеристика жречества, тогда как иные социальные группировки, особенно крестьяне, остались в тени. Недостаточно подчеркнуто различие в положении иудейских общин в Палестине, Месопотамии, Египте. Не показано отличие восстания 132 г. от восстания 116—117 гг. Правда, автор был ограничен данными источников и не мог полностью ответить на все интересующие нас вопросы.

Н. Н. Пикус даёт описание и краткое содержание Papirus Tebtunis 703 (стр. 86—97). Он ставит перед собой задачу «представить документ как результат конкретной социально-экономической и политической ситуации, прежде всего, и породившей его государственной системы Птолемеев, одновременно суммируя итоги изучения его формы современными исследователями» (стр. 87). Pap. Tebt. 703 рассматривается как инструкция (гипомнема) одному из должностных лиц в птолемеевском Египте III в. до н. э. Автор даёт подробный перечень статей документа, касающихся сельского хозяйства, транспортировки и продажи товаров, царских доходов и монополий, а также полицейских мер и обязанностей чиновников.

Точка зрения автора на смысл и причину появления рассматриваемой инструкции звучит убедительно. Обращается внимание на то, что греко-македонские рабовладельцы, управляя страной, должны были постоянно преодолевать не только пассивное сопротивление угнетенного населения, но также и его активные выступления, на что намекают данные анализируемого папируса. Постоянный и необходимый контроль за деятельностью чиновников порождал непрерывно издаваемые инструкции — гипомнемы. Рассматриваемая инструкция предназначалась новому economy, а не strategi; в защиту этого положения автор приводит ряд доказательств. Значение документа в том, что он доказал существование в nome одного эконома, а не двух, как это считалось ранее.

Статья В. С. Соколова (стр. 98—124), написанная к двухтысячелетнему юбилею со дня смерти знаменитого римского поэта и философа, показывает образ Тита Лукреция Кара как поэта-просветителя и борца за материалистическое мировоззрение. Автор умело вставил в исторические рамки изложение поэмы Лукреция и исследование ее. Философские занятия Лукреция значительно отличались от подобных занятий других римских деятелей. Для Лукреция философия не была предметом размышления в моменты отдыха и праздности, он отдался ей целиком и «...явился не простым пересказчиком эпикурейской материалистической философии; он ее самостоятельно обработал, слив воедино все три раздела философии своего учителя» (стр. 102).

На страницах 105—119 автор излагает содержание поэмы, вернее, основные ее идеи. Большое внимание уделяется поэтическому изложению атомистики Демокрита — Эпикура, развитию атеистических взглядов поэта и т. д. Особо отмечается то, что в вопросах развития человеческого общества Лукреций не передавал учения других лиц, а выступал в качестве самостоятельного мыслителя (стр. 114). Свообразие поэмы Лукреция и возврений поэта проявляется, между прочим, и в том, что Лукреций не во всем принял полностью учение Эпикура, слабо отразив в поэме этику последнего и наставление «Проживи незаметно» (*λάθε βιώσας*). Плохо вяжется с философией Эпикура и та страсть, которой проникнута поэма Лукреция (стр. 110 сл.). Автор отмечает также недостатки учения Лукреция, оказавшиеся в игнорировании им некоторых научных достижений своего времени (стр. 109).

Однако ряд вопросов не выяснен до конца. Несколько противоречива общая оценка Лукреция: в одном случае автор считает его настоящим философом, самостоятельно переработавшим учение Эпикура (стр. 102, 114), в другом заявляет: «... в Лук-

реции надо видеть не столько философа-ученого, преданного своей науке, сколько проповедника, как его называет историк литературы В. Модестов, и агитатора, рассчитывавшего увлечь за собой широкие круги просвещенных им людей» (стр. 110). Столь же неясно мнение автора о политических симпатиях поэта. Конечно, это очень трудный вопрос, который требует больших и кропотливых исследований. Заслугой автора является то, что он не обошел его и придал соответствующее значение вмешательству Цицерона в дело «очищения» поэм Лукреция. Но предположение автора о принадлежности Лукреция к крайнему демократическому лагерю, высказанное в довольно категорической форме (стр. 121), звучит мало убедительно; к тому же оно лишено необходимых доказательств.

Доклады и сообщения Ист. фак-та МГУ, кн. 9, 1950

В данном сборнике помещены две статьи, относящиеся к истории древнего мира и написанные с широким привлечением археологического материала: В. Д. Блаватского «О строительном деле Фанагории» и С. В. Киселева «Из древней истории Срединной Азии».

Работа В. Д. Блаватского (стр. 30—45) целиком построена на материале раскопок, которые проводились под руководством автора в 1936—1940 гг. Раскопки этих лет позволили решить ряд важных проблем: во-первых, вопрос о границах города в различные эпохи; общую площадь города автор предположительно считает равной трети квадратного километра (стр. 34—35). Во-вторых, автор считает возможным предварительно «... предполагать наличие правильной планировки по так называемой системе Гипподама Милетского. Не исключена возможность, что так же, как и в Ольвии, правильная планировка получила применение в Фанагории еще задолго до начала деятельности самого Гипподама» (стр. 35). Этот вывод сам автор считает предварительным ввиду недостаточного исследования территории города. В статье обстоятельно рассмотрены главные архитектурные сооружения, открытые в Фанагории работами упомянутых лет (стр. 35—43). Особенно интересно объяснение фундамента, открытого на холме «В». Он реконструируется автором как остатки героона малоазийского типа (стр. 43), тесно связанного с заупокойным культом, и датируется III в. до н. э.

Вопросам строительной техники (стр. 43—45) автор уделяет меньше внимания, чем планировке различных зданий, хотя, по его же словам, мы обладаем более полными сведениями в этой области. Вполне понятно, что в одной статье невозможно достаточно подробно осветить все приемы строительного дела, однако очень желателен более подробный анализ строительной техники фанагорийцев. Особенно важно выделить, по мере возможности, местные строительные принципы, отличные от приемов, применявшимся в метрополии.

В введении к статье С. В. Киселева (стр. 15—29) отмечается значение того исторического периода, когда «... на смену скифо-сарматской динлиńskiej древности выступили новые силы и среди них прежде всего сарматские и хуннские племена. Выяснение условий, в которых это совершилось на Востоке, имеет очень большое значение для истории Южной Сибири, Прибайкалья и Среднеазиатских республик». Статья распадается на ряд небольших разделов. В первом из них характеризуется состояние Китая в эпоху Цинь и Хань. Подчеркивается развитие рабовладельческих отношений. Автор уделяет большое внимание вопросу о торговых связях Китая в производственной и общественно-экономической жизни Центральной Азии.

Следующий раздел статьи посвящен Средней Азии. В изучении последней отмечаются большие успехи советских ученых, в частности С. П. Толстова, доказавшего тождество массагетов с да-юэчжи. Особенно подчеркнуто значение сплочения сако-массагетского мира в борьбе против Александра и роль военной реформы — создание тяжеловооруженной кавалерии у массагетов, затем у хуннов и китайцев. Наконец, в последнем разделе статьи автор исследует социально-экономические отношения среди

населения Монголии и района Великой китайской стены. Большое внимание уделяется характеристику хуннов. Автор подчеркивает, что «...старая родовая организация хунну уже тогда расщатывалась выраставшей на основе новых форм разделения труда частной собственностью, рабством и усилением обмена. При этом все большее и большее значение получали богатейшие руководители военных набегов, предводители племен и родовые старейшины» (стр. 29).

Доклады и сообщения Ист. фак-та МГУ, кн. 10, 1950

Н. И. Голубцова в статье «События 410 года в Риме в оценке современников» (стр. 51—55) дает автореферат своей кандидатской диссертации, защищенной в 1948 г. По словам автора, «в данной диссертации показано значение событий 410 г. в общем кризисе, социально-политическом и культурном, который переживало римское рабовладельческое государство в последний период своего существования» (стр. 51). Автор вкратце излагает содержание диссертации, а также основные выводы.

Ученые записки ЛГУ, СИН, вып. 17, 1950

Вопросам древней истории в данном выпуске посвящены статьи Н. Н. Залесского «К социальной истории этрусков» и В. Боруховича «К истории эпикуреизма II века нашей эры».

Статья Н. Н. Залесского (стр. 157—184) посвящена проблеме социальной борьбы у этрусков. Изучение этого столь важного вопроса автор начинает с памятников «культуры террамар» и эпохи Виллановы. Большое внимание уделяется раннеэтрусским погребальным памятникам, в которых отразилось социальное расслоение этрунского общества. Наряду с этим учитываются данные раскопок поселений и отдельных жилищ. Детально анализируя социальные отношения среди этрусков, автор приходит к выводу, что у них существовала своеобразная форма отношений зависимости, отличная от классической формы рабства. Он подчеркивает большое значение работы К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» для изучения этрунского общества. «Были ли этруски народом восточного происхождения — вопрос иной, но бесспорно, что, по мысли Маркса, у них существовала общинная организация, близкая к восточной форме, организация, порождающая отношения примитивной зависимости» (стр. 164). По мнению автора, «необходимо признать, что наличие в этрусских общинах социальных элементов, подобных независимому от патрициев римскому плебсу, является недоказуемым и мало вероятным, если учесть сказанное выше о „восточной форме“ этих общин» (стр. 174). Автор сумел вскрыть ту острую социальную борьбу, которая расщатывала этрусскою общество. В ходе ее этруssкая аристократия сомкнулась с римской и облегчила последней завоевание Эtrurии.

Статья В. Боруховича (стр. 185—194) посвящена выяснению вопроса о философских взглядах Кельса, отрывки из произведений которого дошли в сочинениях Оригена. Автор полемизирует с теми учеными, которые причисляют Кельса к школе Платона, и, считая, что его произведение является, прежде всего, политическим памфлетом, написанным в агитационных целях, высказывает мнение о том, что идеалистические отклонения Кельса «... следуют отнести за счет политической направленности сочинения, вовсе не ставившего себе целью пропаганду философии Платона, а только защиту существующего официального культа и государственного порядка» (стр. 190).

В статье доказывается, что Кельс неоднократно ссылался на положения Эпикура, когда касался вопросов происхождения мира, материи, людей и т. д. Наряду с этим

отмечается противоречивость и непоследовательность его учения. Это, по мнению автора, делает Кельса непоследовательным эпикурейцем, склонным к эклектизму. «Но в своем боевом и едком характере критики, в остроумной язвительности своих политических доводов он обнаруживает свое истинное лицо, скорее всего, как нам это думается, лицо эпикурейца» (стр. 194).

Труды Воронежского университета, т. XX, 1950

В этом томе помещена статья С. Н. Бенклиева «Заговор Катилины в русской историографии» (стр. 93—120). Автор подразделяет статью на три части: 1) исторические и историко-литературные произведения XIX в.; 2) исследование заговора Катилины в трудах историков-античников XX в. до Октябрьской революции; 3) послевоктятбрьский период. В первом разделе рассматриваются историко-литературные произведения И. М. Муравьева-Аpostола, работы И. К. Бабста, А. К. Новоселова, Д. И. Нагуевского, отдельные высказывания В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова. Во втором разделе большое внимание уделяется дореволюционным взглядам Р. Ю. Вишнера, И. В. Нетушила, М. М. Покровского. В третьем разделе автор касается исследований советских ученых и различных оценок ими заговора Катилины.

Статья С. Н. Бенклиева вызывает ряд недоумений и возражений. Характеристика работ XIX в. и дореволюционного периода представляет собой до некоторой степени механическое перечисление трудов отдельных ученых без увязки этих трудов с развитием русской исторической школы античников и с соответствующей эпохой, оказывавшей влияние на взгляды историков. Характеризуя исследования советского периода, автор заявляет, что ряд советских ученых попался на «удочку Цицерона и Саллюстия» (стр. 114). По форме такая характеристика чрезвычайно примитивна и нелепа, а по существу совершенно неправильна, ибо в работах наших ученых А. В. Мишулина и Ю. А. Иванова, к которым относится эта реплика, а отчасти и в статье погибшего во время войны И. Бравермана резко подчеркивается тенденциозность упомянутых античных авторов.

Критика русских исследований, особенно советских, неубедительна, потому, что автор в ней не объективен; он отправляется от своей точки зрения, которая никогда им полностью не раскрыта и не доказана. Поэтому отдельные положения этой критики, как, например, утверждения о монархических тенденциях Катилины и его сообщников (стр. 115), повисают в воздухе. Конечный вывод автора совершенно игнорирует исследования советских ученых: «Краткий обзор отечественной историографии, посвященной выяснению сущности заговора и личности Катилины, дает нам основание утверждать, что русские ученые дореволюционного периода, занимавшиеся изучением заговора Катилины, дали более правильную оценку заговора и личности Катилины, нежели их зарубежные современники» (стр. 120). К тому же неясно, оценку каких ученых имеет в виду здесь автор, ибо в русской дореволюционной историографии давались противоположные оценки заговору Катилины.

Научная конференция Воронежского университета в 1950 г. Секция историко-филологическая

В этом сборнике помещена вторая статья С. Н. Бенклиева «Н. А. Добролюбов о заговоре Катилины» (стр. 13—17). Автор призывает к новому рассмотрению вопроса о заговоре Катилины и особенно к использованию при этом замечаний русского революционного демократа Н. А. Добролюбова. Излагается точка зрения Н. А. Добролюбова на источники заговора, характеристику его участников и т. д. Особенно подчеркивается мнение Добролюбова о Цезаре, об его участии в замыслах Пизона, равно как и в заговоре Катилины (стр. 15). Обращается внимание также на необходимость дифференцированной оценки деятельности самого Катилины и тех демократических сил, которые примкнули к его заговору. Автор призывает к дальнейшему развитию

мыслей Добролюбова в советской историографии. Следовало бы обратить внимание и на то, что некоторые работы советских ученых написаны в плане развития оценок Добролюбова. Нельзя не иметь в виду также и тот факт, что именно за последние годы заговору Катилины было посвящено большое количество работ¹.

*Ученые записки Карело-финского университета, т. III, вып. 1.
Исторические и филологические науки, 1949*

А. Б. Ратнер в статье «К вопросу о причинах разногласий в армии Спартака» (стр. 51—61) устанавливает общую численность армии Спартака и переходит к исследованию вопроса о разногласиях среди восставших. Взяв под сомнение соображение о неоднородности социального состава как главной причине разногласий, выдвиннутое в свое время А. В. Мишулиным, А. Б. Ратнер ставит вопрос о численности отделившихся отрядов в сравнении с численностью всей армии Спартака. Метод работы автора лишен, как нам кажется, необходимой объективности. Не учитывая наличия различных направлений в свидетельствах древних авторов, автор механически соединяет данные различных источников, выбирая те из них, которые более подтверждают его точку зрения. Для отделившихся отрядов автор предпочитает наибольшие цифры: так как максимальная численность отряда Крикса в 30 тыс. человекдается у Аппиана (у Ливия — 20 тыс.), то принимается версия Аппиана; численность отряда Ганника и Кастиа дается уже не по Аппиану (10 тыс.), а по Ливию, так как она здесь наибольшая (35 тыс.).

Выведенное таким образом отношение численного состава отделившихся от Спартака отрядов к общей численности армии не может быть правильным. В вопросе о степени участия свободных крестьян в восстании Спартака автор целиком опирается на высказывания Аппиана без учета их тенденциозности, вследствие чего преуменьшает роль свободных италиков: «Итак, в составе спартаковской армии удельный вес свободных италиков был слишком невелик, чтобы они могли претендовать на свою собственную программу и самостоятельный план действия» (стр. 56). Конечно, предположение А. В. Мишулина о социальной неоднородности восставших не может быть единственной причиной разногласий, но автор поступает неправильно, совершенно игнорируя этот момент.

«Устранив» разногласия из программы восставших, автор целиком переносит их только на непосредственный стратегический план движения (стр. 56, 58). Если Спартак действовал, сообразуясь с обстановкой, и имел план вывода рабов из Италии, то Крикс — Ганник — Касти стремились остаться в Италии и требовали похода на Рим при любых условиях. Здесь следует указать, что на наличие разногласий в стратегическом плане движения указывал в свое время и А. В. Мишулин²; поэтому наблюдение автора не является новым; новым же и неверным является то, что эти разногласия в стратегическом плане автор пытается сделать единственной причиной разногласий среди восставших. Автор не учел всей сложности грандиозного восстания Спартака и не попытался исследовать совокупность всех имеющихся фактов. Разногласия имели, очевидно, целый ряд причин. В свою очередь, разногласия в стратегии могли порождаться различием программ восставших.

Доклады и сообщения Львовского университета, вып. II, 1949

В короткой статье И. И. Вейцковского «Характеристика источников для изучения истории римско-карфагенских отношений в период между Первой и Второй пуническими войнами» (стр. 70—72) разбирается вопрос о степени достоверности

¹ См. ВДИ, 1950, № 4, стр. 9.

² См. хотя бы А. В. Мишулин, История древнего Рима, курс лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б), М., 1946, стр. 100.

источников по данному вопросу. Все источники в большей или меньшей степени отражают проримскую традицию, реабилитируя политику Рима в отношении Карфагена. По мнению автора, восстановление правдивой истории римско-карфагенских отношений возможно путем критического исследования сведений Полибия, Аппиана и Диона Кассия, так как сообщения этих авторов восходят не только к римской традиции, но также и к греческой. Выявление элементов греческой традиции дает возможность сделать вывод о том, что известия древних авторов о вероломной политике карфагенян и о нарушении Карфагеном мирного договора неверны.

Ученые записки МГПИ им. Потемкина, т. XIII, вып. 2, 1949

Вопросы древней истории исследуются в статьях Н. И. Львова «Из истории кризиса Римской империи во второй половине V в. н. э.» и Т. Д. Златковской «Мэзия в I веке до н. э.».

Большая и обстоятельная статья Н. И. Львова (стр. 5—104) имеет основной целью изучение галльской аристократии и ее борьбы за господство в Западно-римской империи. Обширное введение посвящено характеристике социально-экономических отношений в Галлии в середине V в. н. э. (стр. 7—33). Приводится целый ряд примеров, свидетельствующих о преобладании крупного землевладения, на котором основывалось социально-экономическое влияние магнатов, постепенно узурпировавших и государственную власть. Далее характеризуется положение различных групп населения, входящих в поместье, и социальные движения багаудов в V в.

В главе первой рассматривается выступление галльской аристократии в 455 г. Галльские магнаты, воспользовавшись анархией в Риме, захватили инициативу в свои руки и заставили признать императором галла Авита. В противовес общепринятому мнению, автор доказывает, что инициатива этого события исходила не от готов, а от галльской аристократии, опиравшейся на вестготов. Здесь одним из основных источников является Сидоний Аполлинарий. Глава вторая посвящена анализу восстания галльской аристократии против римского правительства в 457—458 гг. Восстание в Лионе и в Нарбоннской провинции поддерживалось средними и крупными землевладельцами, без участия широких слоев сел и городов, что предопределило поражение восставших.

В следующей главе автор рассматривает «взаимоотношения галльской аристократии и варваров, главным образом вестготов, на конкретном материале, какой дают произведения Ап. Сидония» (стр. 67). Вестготское королевство сыграло решающую роль в судьбах Галлии и галльской аристократии. В последней существовали проготская и проримская группировки.

Следует отметить удачный выбор темы исследования; эта работа должна отчасти заполнить существенный пробел в истории последнего периода существования Западно-римской империи. Автор ярко показал влияние варваров на судьбы одряхлевшей империи. Интересна и убедительна полемика с буржуазными учеными. Однако, посвятив все свое исследование борьбе галльской аристократии и ее идеалам, автор изучил главным образом одну сторону вопроса: им не раскрыта классовая борьба в Галлии во всем ее многообразии, хотя неоднократно говорится о ее значении. Переход на сторону готов различных категорий трудящегося населения Галлии, с одной стороны, и аристократии — с другой, представлен в качестве двух совершенно независимых друг от друга параллельных линий, тогда как более детальное изучение движения и стремлений низших слоев населения могло бы изменить или уточнить выводы о поведении аристократии. Изменение ориентации последней могло зависеть не только от ее разочарования в силах Римской империи, но и от поведения низших слоев населения Галлии, от боязни потерять влияние на это подвластное ей население.

Работа Т. Д. Златковской (стр. 107—132) является частью кандидатской диссертации. Статья состоит из небольших глав, посвященных расселению местных племен на территории Мэзии, их экономическому и социальному развитию, походу Биребисты, греческим городам Западного Понта, борьбе населения Мэзии с рим-

лянами. Автор устанавливает, что к моменту римского завоевания преобладающим населением страны были фракийцы, из которых выделялись своей влиятельностью мёзы, геты, а в Нижней Мёзии — скифы, смешавшиеся затем с гетскими племенами. Широко было распространено земледелие, скотоводство, ремесла. Земля находилась в общественном пользовании. Автор предполагает наличие рабовладения лишь у отдельных племен (стр. 117); большинство племен стояло на пороге классового строя. Подчеркивается кратковременность и непрочность государственных образований.

Большим достоинством работы автора является критика неверных буржуазных теорий. Т. Д. Златковская доказала националистический характер игнорирования *Scythia Minor* буржуазными румынскими учеными (стр. 111), выступила против принижения уровня развития фракийских племен (стр. 112) и отметила, что недостаточно объяснить причины завоевательной политики римлян в Мёзии одними стратегическими соображениями (стр. 121). Убедительно показан организованный характер борьбы местных племен против римлян, введение против последних системы оборонительных валов и отмечено сознательное замалчивание этого факта античными авторами (стр. 124 сл.). Автором использован широкий археологический материал.

Однако попытки дать в сравнительно небольшой статье широкую картину истории и социально-экономической жизни Мёзии в I в. до н. э. иногда приводят к слишком сжатому изложению отдельных вопросов. Так, например, было бы весьма желательно более глубокое исследование вопроса о взаимоотношениях между греческими городами Западного Понта и населением Мёзии.

Ученые записки МОПИ, т. XIV, вып. I, 1950

В сборнике помещены следующие статьи по древней истории: В. К. Никольский «Антисоциальность буржуазного мифа об исконности семьи и частной собственности»; он же «Начало религии»; Д. Г. Редер «Попытки акклиматизации чужеземных культурных растений в древнем Египте»; он же «Военная демократия в странах древнего Востока»; Ю. С. Крушков «О социально-экономическом строе эллинистического Родоса». Остальные статьи сборника касаются вопросов этнографии.

Большая статья В. К. Никольского (стр. 3—66) имеет ряд разделов. В первом из них характеризуется австралийское племя урабунна. Подробно исследуются вопросы хозяйства и общественной организации племени. Касаясь брачных отношений, автор констатирует, что «... у урабунна групповой брак, так же как и брачные классы, находится на пути перерастания в другую форму брака — парную» (стр. 16). Подробно излагаются религиозно-магические верования урабунна. Дополнительно рассматривается материал о другом австралийском племени — диери, социальный строй которого представляет собой дальнейшую ступень развития сравнительно с урабунна. Диери знают парный брак в его начальной стадии и имеют зародыши родоплеменной власти. Следующий раздел «Первые люди жили стадами» ставит вопрос об образе жизни первобытных людей. Красной нитью проходит положение о том, что «...человек всюду и везде, где он попадает в поле зрения историка и этнографа, живет и живет в обществе» (стр. 27); резко критикуется буржуазная теория робинзонады. Автор указывает, что ранний человеческий коллектив следует называть стадом, а не ордой. Доказывается несостоятельность теории исконного обмена, выдвинутой буржуазными политэкономами. В последнем разделе прослеживается возникновение родовой общины из распада первобытного стада. Большое внимание уделяется здесь вопросу о брачном классе и роде в понимании Энгельса. Вопрос о происхождении родовой общины решается с учетом археологического материала. Привлекается большой материал брачных отношений у гиляков и обращается внимание на заслуги и ошибки исследователя Л. Я. Штернберга.

Статья того же автора «Начало религии» (стр. 67—82) направлена против распространенной среди буржуазных ученых агностической идеи о том, что нельзя установить «начало» и, следовательно, происхождение религии. Вопрос о происхождении рели-

гиозных верований решается автором на основании пересмотра старого и привлечения нового археологического материала. Пересматривается материал из нижнего гrotа Мустье, Ля-Ферраси, Шапель-о-Сен. Гипотеза о ритуальном характере неандертальских погребений проверяется на материале находок в Драхенлох и Петерсхёле. Большое внимание уделяется открытию пещеры Гуаттари, в которой уцелел памятник магической охоты на людей. Вся эта группа памятников доказывает «наличие религии к концу низшей ступени дикости» (стр. 73). Особенно ценные находки из пещеры Тешник-Таш, проливающие новый свет на характер неандертальской религии. «Мы находим здесь следы соединения в один комплекс и погребения (человеческие кости) и магии (звериные кости): магия оказывается частью религии в эпоху самого зарождения последней» (стр. 74—75). Суммируя результаты открытий археологов, автор приходит к выводу о том, что «... первобытные люди, только поднявшись на неандертальскую стадию очеловечения, только в эпоху среднего палеолита оказались создателями первых, еще зародышевых, темных и неоформленных, но все же религиозных фантазий» (стр. 76—77). Фантазии о сверхъестественном неразрывно переплелись с культом. Автор считает, что положение Энгельса о возникновении религии zu einer sehr valdursprünghicher Zeit — в «древучепервобытное» время (по переводу В. К. Никольского) — относится к мстьерскому или неандертальскому времени. Данная статья, написанная в свете исследования старого и нового археологического материала, является ценным вкладом в дело изучения важной проблемы происхождения религии.

Статья Д. Г. Редера «Попытки акклиматизации чужеземных культурных растений в древнем Египте» (стр. 91—116) относится к области истории хозяйства и культуры Египта и, в частности, к садоводству и земледелию. Статья содержит четыре главы. В первой из них автор констатирует бедность исконной флоры Египта. Потребности растущего египетского хозяйства, развитие ремесла, рост населения — «все это заставляет пополнять недостаточные туземные ресурсы за счет чужеземных злаков, деревьев, трав и т. д.» (стр. 92). Так как ввоз чужеземных продуктов представлял большие затруднения, то рано возникло стремление пересадить в Египте те растения, в которых нуждалось египетское хозяйство. Автор присоединяется к положению Б. Б. Пиотровского о возникновении земледелия в Египте независимо от внешних влияний. Во второй главе рассматривается вопрос о насаждении в Египте растений тропической зоны. Как крупное событие в искусстве египетских садоводов автор расценивает их успехи в приспособлении тропических растений к египетским климатическим условиям. Так, с юга проникли в Египет мирра и персия. В третьей главе говорится о культивации в Египте фруктовых деревьев. В вопросе об акклиматизации яблони автор приходит к выводу о том, что впервые яблоню стали возделывать хеттские садовники, перенесшие ее затем в Палестину. При гиксосах яблоня попала в Египет. Детально разбирается вопрос о происхождении гранатового и оливкового деревьев. Четвертая глава посвящена вопросам разведения в Египте стручковых растений — чечевицы и бобов.

Проблема появления и акклиматизации различных растений в Египте решается автором обстоятельно и разносторонне. Широко используется лексический материал. Подробно прослеживается история и время акклиматизации и исчезновения тех или иных видов растений. По мере возможности устанавливается район распространения акклиматизированных растений. Приводятся различные высказывания античных авторов и мнения современных исследователей. Автор исследует также те торговые связи и пути, благодаря которым доставлялись в Египет различные растения.

В статье «Военная демократия в странах древнего Востока» (стр. 117—127) Д. Г. Редер отправляется от высказываний Энгельса о характере первобытной и военной демократии. Следы последней автор старается отыскать в различных странах: в Египте, Эфиопии, Двуречье, Хеттском государстве, в Палестине и Финикии. Автор пришел к общему выводу о том, что «... военная демократия не является специфически европейской формой» (стр. 120). Одним из поводов, толкнувших автора к исследованию упомянутого вопроса, была, видимо, неверная постановка вопроса о «примитивной демократии» иностранными буржуазными учеными, в частности, Якобсоном и Вольфом.

Автор выдвигает не всегда проверенные выводы, иногда вступая в противоречие даже с самим собой: «Мне кажется,— пишет он,— что даже аккадский царь Саргон, объединивший под своей властью все Двуречье, следовал еще традициям военной демократии» (стр. 121), и далее: «Вероятно, традиция приурочила к популярному царю четырех стран Саргону, обладавшему деспотической властью, черты вождя военной демократии, в действительности присущие неизвестным по имени его предшественникам» (стр. 122). Заслуга автора в том, что он поставил на рассмотрение очень важный вопрос, но предлагаемое им решение не всегда убедительно и подчас поверхно.

Ю. С. Крущкол следующим образом формулирует цель своей статьи (стр. 128—148): «Настоящая работа не претендует на исчерпывающее освещение социально-экономического строя Родоса, а является лишь скромной попыткой дать обзор данных о рабовладении, рабовладельческом государстве и показать Родос не только как торговый, но главным образом как сельскохозяйственный центр» (стр. 129—130). В начале работы дается обзор литературы о Родосе. Далее автор переходит к характеристике экономики острова. Отмечается большое развитие садово-огородных культур, высокий уровень виноградарства и, вместе с тем, слабое развитие хлебных культур. Рассматривая вопрос о роли торговли, автор привлекает большой археологический материал: на основании находок амфорных родосских клейм им устанавливается удельный вес вывоза родосского вина в Пергам, Карфаген, на Кипр, в Афины и т. д. Особо рассматривается вопрос о вывозе вина и фруктов в Египет, Александрию. Автор останавливается также на этапах политической истории Родоса. Вопросы численности рабов и их правового положения решаются с привлечением эпиграфического материала. В конце статьи автор останавливается на вопросе о характере государственного устройства Родоса.

Статья Ю. С. Крущкол имеет целый ряд достоинств. Она отчасти заполняет пробел в нашей советской литературе в области истории эллинистического Родоса. Автор дает справедливую критику буржуазных исследований, отметив их формально-хронологический метод, а также подчеркивает важность исследований русского дореволюционного ученого С. А. Селиванова для археологических работ на Родосе. Очень обогащает статью привлечение археологического материала. Высказан ряд интересных положений, в частности, предположение о наличии безземельного крестьянства на Родосе.

В работе, однако, имеются некоторые недостатки. Так, например, вывод о преобладании на Родосе рабов малоазийского происхождения построен у автора на недостаточном статистическом материале (стр. 144). Совершенно не учтен вопрос о роли и значении торговли Родоса с Северным Причерноморьем, тогда как в начале сама Ю. С. Крущкол указывала, что «...вопрос о Родосе тем более приобретает значение, что Родос торговал с Северным Причерноморьем (территорией нашей родины) и, следовательно, имеет отношение к ранней истории нашей родины» (стр. 128). В статье имеется ряд повторений: читателю неоднократно напоминается о высоком качестве родосского флота и т. п. Однако высказанные нами замечания не снижают в общем высокого качества статьи Ю. С. Крущкол.

Труды Мариийского пединститута, т. VIII, 1950

С. П. Сингалевич в статье «Гелоты в древней Спарте (из истории античного крепостничества)» анализирует следующие два важных вопроса: 1) происхождение илотов и их классовая сущность и 2) движение илотов в доэллинистическую эпоху. Автор кратко излагает взгляды зарубежных и советских исследователей на вопрос о происхождении илотов (стр. 131—137). Опираясь на свидетельства древних авторов, С. П. Сингалевич приходит к выводу, что илоты представляли собой порабощенную в результате военных действий часть населения Лаконики. Производственное положение илотов подтверждает их крепостную зависимость. Однако автор предостерегает от отождествления этой

зависимости илотов с крепостничеством феодального типа; далее он подробно устанавливает различие в производственном положении рабов и илотов (стр. 139). Второй проблеме — социальным движениям илотов — уделено несколько меньше внимания; кроме того, она также ограничена доэллинстическим периодом. Автор подробно перечисляет все известные нам случаи восстаний илотов и подчеркивает солидарность господствующих классов Спарты и Афин в момент угрозы восстаний илотов. Основные положения автора относительно происхождения и классовой сущности илотов во многом обоснованы и часто звучат весьма убедительно. Очень интересно и важно замечание о том, что «крепостное» состояние илотов обусловило задержку в развитии рабовладельческой системы Лаконики (стр. 134). Социальная борьба илотов, как нам кажется, дана слишком суммарно, не указаны ее специфические особенности в отдельные периоды. Сомнительным и явно недостаточным представляется объяснение причин устойчивого существования «илотии» на всем протяжении истории Спарты.

Кавказский сборник трудов Ставропольского пединститута, кн. 1, 1949

Специальный сборник, посвященный Кавказу, ставит задачу критически пересмотреть буржуазное наследство в области кавказоведения с целью разоблачения «теорий о неполнценности» кавказских народов.

Среди статей, опубликованных в сборнике, укажем на работу аспиранта К. И. Козыва «Кавказские легенды о прикованных богатырях и миф о Промете у ранних греческих авторов» (стр. 57—76). Автор выясняет характер взаимосвязи между кавказскими и греческими легендами о Промете. С этой целью детально разобраны кавказские легенды, причем особое внимание уделено образу Амирана. Доказывается близость образов Амирана и Прометея. На основании значительного количества легенд, в том числе осетинских, автор приходит к выводу о том, что «основными признаками сходства между Прометеем и кавказскими узниками являются: 1) мотив богоборчества (главным образом, Амирав); 2) общее наказание (по большинству вариантов легенд Амиран, подобно Прометею, приковывается к скале); 3) общность места наказания (горы Кавказа)» (стр. 70). Интересен итоговый вывод о том, что именно кавказские народные легенды о прикованном богатыре — страдальце за правду и свободу — дали образ могучего протестующего богоборца, который вошел затем в литературу под именем Прометея (стр. 75—76).

Однако статья не лишена ряда недостатков, основным из которых является стремление опереться на ложную «лингвистическую теорию» Н. Я. Марра. Автор широко обращается к ней в ходе всего исследования.

Ученые записки Кишиневского пединститута, т. I, 1949

В разделе «Филология» помещена статья П. С. Грибум «Из высказываний В. И. Ленина об античности» (стр. 93—106). Автор стремится показать большое значение, которое придавал В. И. Ленин наследию античной культуры. Этот тезис доказывается на огромном материале, собранном автором. Вначале приводятся факты, относящиеся к гимназическим и студенческим годам Владимира Ильича. Со слов Н. К. Крупской говорится о гимназическом увлечении юного Ульянова латинским языком. Затем автор переходит к вопросу об отношении В. И. Ленина к античной философии и напоминает, как резко В. И. Ленин критиковал Гегеля, искажавшего взгляды античных философов. «... В. И. Ленин, изучая древнюю философию по первоисточникам, восстанавливал ее настоящее лицо, часто искажаемое буржуазной наукой, критически переосмысливал ее историю и находил преемственную связь между античным и позднейшим материализмом, между античным и новейшим идеализмом», — пишет автор на стр. 97. Затем излагаются взгляды В. И. Ленина на античную литературу, историю, мифологию. Подчеркивается характеристика античного рабства, дан-

ная В. И. Лениным, высокая оценка Спартака и т. д. Затем автор напоминает читателю многочисленные примеры, пословицы и выражения из античной истории, которые часто употреблял в своих работах и выступлениях Владимир Ильич.

Работа Н. С. Гринбаум написана хорошо, с большим подъемом. Многочисленные примеры из работ В. И. Ленина делают ее особенно живой и интересной. Автор сумел показать, что античность для В. И. Ленина всегда являлась одним из важных этапов развития человеческой культуры, одним из ее звеньев, без изучения и понимания которого нельзя понять настоящее.

Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II, 1950

Вопросам древней истории в данном сборнике посвящены статьи Г. А. Пугаченковой «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах» и С. К. Кабанова «Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе».

Статья Г. А. Пугаченковой (стр. 8—57) касается изучения группы местных памятников материальной культуры, могущих отчасти заполнить пробелы в изучении согдийской архитектуры. К ним относятся культовые предметы — костехранилища — оссуарии и объекты невыясненного назначения — «заслонки», «очажки» и плоские плиты, орнаментация которых содержит архитектурные элементы. Автор подробно характеризует элементы архитектурного декора (стр. 10—42) и приходит к ряду интересных выводов. Автором опровергается мнение о том, что оссуарии воспроизводят архитектуру древнего среднеазиатского жилья. Овальные оссуарии подражают не юрте, а курганообразным надмогильным сооружениям древних среднеазиатских тюрков. Архитектурные элементы оссуариев связаны скорее с храмовым, а не с жилищным строительством. Автор высказывает предположение, что изучение согдийской архитектуры следует вести «... не столько в сопоставлении, сколько в противопоставлении ее архитектуре сасанидской» (стр. 56).

С. К. Кабанов в указанной выше статье (стр. 82—134) сообщает об археологической рекогносцировке в низовьях р. Кашка-Дарья, о стратиграфическом разрезе на Мудин-тепе и о разведочных раскопках на городище Ер-курган. Статья богата иллюстрирована чертежами и фотографиями находок. Добытый археологический материал позволил автору прийти к следующим выводам: 1) в исследованном районе начало развития поливного земледелия с широко разветвленной системой искусственного орошения относится ко II—I вв. до н. э.; 2) западнее линии Кассан — Касби — Куя — Фазли нет памятников, свидетельствующих о крупных земледельческих обществах древности. Ирригационная система этого района — гораздо более позднего происхождения. Ер-курган был основным политическим и торгово-ремесленным центром в оазисе в период рабовладельческого строя; 3) некоторая часть населения города принадлежала к согдийско-таджикской этнической группе. Памятники изобразительного искусства свидетельствуют о высоком мастерстве и о древности местных традиций в искусстве.

Г. А. Цветаева

ПРОКОПИЙ ИЗ КЕСАРИИ. *Война с готами.* Перев. с греческого С. Н. Кондратьева, М., Изд. АН СССР, 1950, 515 стр., тираж 5000 экз., цена 26 руб.

Вряд ли можно переоценить значение выхода в свет русского перевода «Войны с готами» Прокопия Кесарийского. Широкие круги советских историков и работников смежных областей науки получили возможность ознакомиться с этим важнейшим для истории ранней Византии источником. Прокопий, крупный историк VI в., описывает в своих произведениях время правления Юстиниана и тем самым помогает разоблачить фальсификаторскую апологетическую оценку, даваемую буржуазной наукой